

Э. ЗОЛЯ

ЗАПАДНЯ

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1950

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Роман из жизни рабочих был задуман Золя в конце шестидесятих годов, когда он только еще приступал к созданию своей эпопеи «Ругон-Маккары». «Рабочих, как и солдат, изображали донныне в совершенно ложном свете. Было бы мужественным поступком сказать правду и открытым изображением фактов потребовать воздуха, света и образования для низших классов», — писал Золя в 1869 году. Стремясь к всестороннему изображению социальной жизни Франции времен Второй империи, решив осветить в своих романах темы и факты, «запретные» с точки зрения официального буржуазного искусства, Золя пришел к мысли о создании произведений, посвященных социальным низам, и, в частности, произведений, в которых главными действующими лицами были бы рабочие.

Золя был прав, говоря, что рабочих «изображали донныне в ложном свете». Крупнейшие романисты Франции либо вовсе обходили молчанием проблему рабочего класса, либо решали ее в плане отвлеченно-романтической эстетики. Немногочисленные образы рабочих, созданные Виктором Гюго, Жорж Санд, Эженом Сю, Гюставом Флобером и другими, были лишены жизненной правды. Тема социальных низов, жизнь рабочего класса представлялись многим буржуазным художникам эстетически неблагоприятным материалом, крайним выражением обыденности. «Действительно, — писал Гюго, — спустаться на самое дно человеческого общества... задача вовсе не привлекательная и нелегкая».

«Чем в области искусства господа рабочие интереснее других людей?» — спрашивал Флобер, осуждая писателей, которые пытались в своих произведениях изображать рабочих.

Не понимая исторических процессов, происходивших в буржуазном обществе середины и конца XIX века, не понимая исторической роли рабочего класса, буржуазные писатели, независимо от своих

политических и литературных симпатий, оказались неспособными не только разрешить, но и правильно поставить в своих произведениях проблему пролетариата.

Работая над «Западной», Золя также оказался не в состоянии придать своим наблюдениям глубокий обобщающий характер. В духе приведенных выше высказываний Гюго и Флобера об эстетических трудностях, возникающих перед художником, изображающим жизнь социальных низов, Золя писал в «наброске» к своему роману:

«От пошлости интриги меня может спасти лишь величие и правдивость изображенных мною картин народной жизни. Поскольку я беру глупую, пошлую и грязную обстановку, я должен дать рисунку большую рельефность. Сюжет беден: поэтому надо постараться сделать его настолько правдивым, чтобы он явил чудеса точности».

Таким образом Золя в полном согласии со своей натуралистической теорией ставил перед собой задачу преодолеть «неблагодарный» сюжет своего произведения точностью описаний и характеристик.

Вторая задача, которую Золя поставил перед собой, — задача чисто филантропическая. Он искренно верил, что романы, подобные «Западне», в которых показано бедственное положение трудового люда, заставят правительство принять необходимые меры. «Западню», — замечает Золя, — можно резюмировать следующими словами: «Закройте кабаки — откройте школы».

Совершенно очевидно, что, ставя перед собою подобные цели, Золя был далек от стремления вскрыть истинные причины чудовищно тяжелых условий жизни рабочего. История Купо и Жервезы должна была свидетельствовать, по мнению Золя, о пагубном влиянии алкоголизма, о фатальной силе законов наследственности. Все бедствия, обрушивающиеся на героев романа, представлялись ему в свете этих суждений чистой случайностью.

Существенно и то, что Золя обратился в своем романе к наименее активной, наименее сознательной части рабочего класса. Понятие «рабочий», «пролетарий» Золя толковал расширительно, подразумевая под этими словами социальные низы вообще. Его «рабочий» пассивен, покорен, лишен классового самосознания. Золя всячески подчеркивает безразличие рабочего к политике, ко всему тому, что происходит за пределами его бытовых интересов.

В конечном счете роман Золя оказался сродни тем произведениям, в которых, по словам Энгельса, «рабочий класс фигурирует как пассивная масса, неспособная помочь себе, не делающая даже никаких попыток и усилий к тому, чтобы помочь себе»¹. Все это

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 405.

крайне отдаляло Золя от цели, которую он первоначально перед собою ставил: сказать правду о рабочем.

Но даже при всех указанных недостатках «Западне» принадлежит особое место в истории французского реалистического романа. Впервые во французской литературе появился роман, в котором обездоленность низших общественных классов была показана с суровой прямотой. Собранные Золя факты говорили значительно больше того, что хотел сказать сам писатель. В свете этих фактов судьба Купо и Жервезы переставала быть случайной, приобретала типические черты. Жизнь обитателей улицы Гут д'Ор невозможно было объяснить с помощью «теории наследственности». Перед читателем открывалась картина вопиющей несправедливости общественных отношений, при которых возможно одичание широких масс трудового народа.

Уже в первых эпизодах романа показаны причины всей последующей драмы. Купо и Жервеза полны решимости бороться за свое скромное счастье, они трудолюбивы и расчетливы. Кажется, ничто не должно омрачить их свадьбу, к которой они готовятся с такой трогательной тщательностью. Но даже и в эти безоблачные для них дни обстоятельства и люди напоминают им о социальном несправедливости бедняка, о тщетности надежд на счастливую жизнь.

Первое унижение Купо и Жервеза испытывают в квартире своих родственников Лорилле, у которых они хотят занять десять франков. «Хорошее начало!» — упрекает г-жа Лорилле растерявшегося и пристыженного жениха. Она не сомневается в том, что Купо и Жервезе придется пережить значительно большие трудности. В церкви, куда заходит Купо, чтобы договориться о своем скромном венчании, священник, согласившись отправить службу за пять франков, считает своим долгом напомнить, «что бог благословит их союз без всякого удовольствия». Само венчание происходит таким образом, что вызывает у Купо реплику: «Отправляют в одну минуту... совсем как у зубного врача: не успел заорать, а зуба уже нет». В мэрии «формальности — чтение законов, вопросы брачующимся, подписи под бумагами — были проделаны так быстро и гладко, что рабочие переглянулись: им казалось, что у них зажулили по крайней мере половину церемонии». В ресторане, где Купо заказал обед для приглашенных на свадьбу, хозяин сделал все возможное, чтобы бесцеремонно надуть незадачливую компанию. Свадебный день заканчивается встречей Жервезы с пьяным факельщиком Базужем, который предсказывает ей безрадостное будущее: «Все равно все там будем, милочка... И вы тоже... Придет еще время, когда вы будете счастливы отправиться туда поскорее».

Все эти детали имеют свой скрытый смысл. Они должны под-

готовить читателя к последующей драме. Бесправное и униженное положение бедняков, полная зависимость от превратности случая — таковы причины, в силу которых Купо и Жервеза неизбежно должны претерпеть катастрофу.

В первые годы совместной жизни они упорным трудом достигают сносных условий существования. Им удается скопить немного денег, снять дешевую квартиру, обставить ее старой мебелью. Но сколько требуется для этого усилий, ценою какого изнуряющего, огулляющего труда Жервеза поддерживает порядок в своем доме! На четвертый день после родов она уже работает в заведении г-жи Фоконье, ибо «хорошо барыням корчить из себя больных. У бедняка нехватает на это времени». Достаточно Купо выйти из строя и остаться на несколько месяцев безработным, чтобы благосостояние трудолюбивой рабочей семьи пошатнулось.

* Золя придает исключительное значение несчастному случаю, происшедшему с Купо. Приобретя вкус к праздности и познакомившись с кабаком дяди Коломба, Купо становится обузой для семьи и первопричиной ее разорения. Надуманность и фальшь этого сюжетного хода, делающего все последующие события игрою случая, с очевидностью обнаруживаются при сравнении судьбы Купо и Жервезы с судьбами других персонажей. Характерна в этом отношении история маляра Брю. В жизни старого рабочего не было никаких фатальных происшествий. Он счастливо избег «западни», но после пятидесяти лет честной трудовой жизни оказался выброшенным на улицу и был вынужден просить подавание.

Обездоленность социальных низов, их одичание — прямое следствие звериных законов капитализма. В ряде эпизодов Золя нарисовал страшную картину физической и духовной деградации ремесленного люда Парижа. Массовый алкоголизм, побои и драки, половая распущенность, потрясающая нищета — все это невозможно было объяснить законами наследственности или пагубным воздействием среды. Факты, собранные Золя, вступали в противоречие с наивными лженаучными «теориями», с помощью которых он хотел осмыслить жизнь угнетаемых классов.

Вопреки намерениям объяснить пристрастие к алкоголю дурной наследственностью, Золя показал алкоголизм как социальное явление. Спавание народа является частью эксплуататорской политики господствующих классов. Кабак вроде «Западни» дяди Коломба не только давал хорошие барыши, но и выполнял определенную социальную функцию — отвлекал рабочего от его насущных политических интересов. Нищета приводит к алкоголизму; алкоголизм усугубляет нищету, — эту мысль Золя выразил в своем романе сильно и убедительно.

Капитализм обрекает миллионы тружеников на нищету и бескультурие. Полна глубокой значимости сцена, в которой рассказано о посещении свадебной компанией музея.

Золя как бы сталкивает в этой сцене многовековую созидательную культуру человечества, представленную в коллекциях Лувра, и низшие общественные классы, доведенные до состояния полного отчуждения от этой культуры. С горькой иронией повествует он о том, как Купо и его друзья разгуливают по залам музея, разглядывая его примечательности. Их внимание приковывает величественная лестница, «вид служителя в красной ливрее»; в галлерее Аполлоиа всех приводит в восторг блестящий паркет; Джоконда поражает Купо тем, что она похожа на его тетку...

«Перед ошеломленными невежественными людьми, — пишет Золя, — проходили эпохи искусства: утонченная сухость примитивов, блеск венецианцев, полные жизни и дивного света голландцы. Но их больше интересовали живые художники, которые устроились со своими мольбертами среди публики и, не стесняясь, при всех копировали картины».

«В жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли вершины бесчеловечности»¹. «Западня» может служить убедительной иллюстрацией к этому известному положению Маркса — Энгельса.

Однако в своем романе Золя дал одностороннее изображение рабочего класса, социальных низов. Эта односторонность наносила огромный ущерб намерению автора сказать правду о рабочих. Рабочий класс Франции даже в пору своей политической незрелости проявлял революционный героизм; нравственные устои семьи рабочего всегда были неизмеримо прочнее семьи буржуа; пролетарская солидарность и взаимовыручка возвышали рабочего среди прочих классов буржуазного общества. Все эти высокие моральные качества пролетария с особой силой выявились во время семидесяти двух дней Парижской коммуны, когда рабочий поднялся на сознательную борьбу против буржуазных порядков за новое общественное устройство. Современник Парижской коммуны Золя не сумел показать в своем романе настоящего пролетария. Такие его персонажи, как Шкварка-Биби, Соленая Пасть, Сапог, не говоря уже о Лантье и Лорилле, существовали в действительности, но не они были характерны для рабочего люда Парижа.

Изучая положение рабочего в Англии, Энгельс назвал пролетарские слои населения «оклеветанным классом». Буржуазные деятели в своих ученых трудах и буржуазные писатели в своих произведе-

ниях создали лживые представления о рабочем классе. Золя не развевал их до конца. В какой-то мере Золя понимал это сам, когда писал в предисловии к «Западне», что из его романа «ни в коем случае не следует заключать, что весь народ был плох, ибо мои персонажи вовсе не плохи: они только невежественны и испорчены средой, в которой живут, обстановкой жестокой работы и нищеты». Отчасти это же соображение побудило Золя создать образ кузнеца Гуже, столь не похожого на всех остальных персонажей романа. Но Гуже Золя не удался. Среди ярких жизненных персонажей «Западни» Гуже — самая бледная фигура. Произошло это потому, что Золя попытался вложить в образ Гуже порочную идею. Ему казалось, что трудолюбие и трезвость могут избавить рабочего от нищеты, обеспечить ему сносное существование. Реакционная сущность этих рассуждений Золя обнаруживала его «мирные» цели при решении проблемы социальных низов. Объективно роман Золя осуждал уродство буржуазных порядков, но сам автор был далек от мысли революционного преобразования общества.

«Западня» появилась в печати в 1877 году. Она принесла Золя неслыханный успех. Французский буржуазный читатель в короткое время раскупил несколько изданий романа. Буржуазная пресса откликнулась разноречивыми суждениями о новом произведении главы натуралистической школы. Успех книги, по справедливому замечанию Салтыкова-Щедрина, был «успехом испуга». Французский буржуа надолго запомнил дни Коммуны, и его интерес к жизни рабочего класса питался страхом. Новая книга Золя показала «дуракам и лицемерам своего времени низы такими, каковы они есть, а не такими, какими привыкли их воображать себе невежество, глупость или сознание этих глупцов и лицемеров», — писал впоследствии Барбюс.

Каковы бы ни были идейные и художественные недостатки «Западни», роман продолжает жить в истории реалистической литературы как произведение, в котором впервые правда о социальных низах, о нечеловеческих условиях их существования была сказана в полный голос.

А. Пузиков.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 56.

СОДЕРЖАНИЕ

Западня. Перевод М. Ромма . . .	3
Послесловие. А. Пузиков	450

Редактор Т. Кудрявцева.
Технический редактор Д. Ермоленко.
Корректор В. Знаменская

Сдано в набор 21/XII 1949 г. Подписано
к печ. 16/III 1950 г. А01402. Бумага
84×108¹/₃₂ д.-7,125 бум. лист. — 23,37
печ. лист. +1 вкл. 25,1 уч.-изд. лист.
Зак. 2063. Тираж 30 000. Цена 8 р. 50 к.
3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфиздата при Совете Минист-
ров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.